

*Леван
Стажадзе:
«Оптимизация
в здравоохранении –
это большое зло»*

Л.Л. Стажадзе в составе ПСС ВВС на базе вертолета Ми-8. Третий справа — командир медицинской бригады, кандидат медицинских наук, врач-хирург, полковник медслужбы В.А. Голубчиков

Леван Лонгинозович Стажадзе — известный советский и российский врач-анестезиолог, доктор медицинских наук, профессор, академик Международной академии астронавтики. Он руководил первым в стране отделением реаниматологии в Институте скорой помощи имени Н.В. Склифосовского, а в 1972–1987 годах — отделом медицинского обеспечения пилотируемых космических полетов Института медико-биологических проблем. Совместно с профессором Л.Г. Костомаровой Л.Л. Стажадзе является организатором московской службы медицины катастроф и по сей день трудится главным научным сотрудником в созданном ими Центре экстренной медицинской помощи ДЗМ.

Леван Лонгинозович из тех собеседников, кого можно слушать часами, и все равно не хватит времени узнать обо всех потрясающих деталях его биографии — грустных, смешных, поучительных, исторически значимых — зачастую речь идет об отнюдь не проходных фактах отечественной истории. Фамилии людей, которых он хорошо знал, известны всем или очень многим. В честь одних названы институты, другие, наоборот, стали зловещими символами ушедшей эпохи. Но, как бы мы к этому ни относились, все это — часть нашей истории, которая, как известно, не знает сослагательного наклонения.

Беседу вела специальный корреспондент «ЭС» Наталья Лескова

Леван Лонгинозович, Ваш папа был известным кулинаром, он создал в Москве легендарный ресторан «Арагви». Вы, наверное, много раз там бывали?

Да, приходилось. Дело в том, что у нас с рестораном разница в один год. Я на год старше, родился в 1937-м, а ресторан открылся в 1938-м. Кстати, с моим рождением связан очень интересный факт. Я должен был появиться на свет в роддоме на Арбате. Но в 1937 году прошел слух о том, что в связи с обострением классовых противоречий в обществе, когда появилось много «врагов народа», известным людям якобы мстят, подменяя им детей прямо в роддоме. Мама перепугалась, а папе в это время было ни до кого, потому что оставалось несколько месяцев до открытия ресторана. И мама благополучно уехала в Грузию, в родную деревню Курсеби. Это глухая деревня в горах, километрах в двадцати от Кутаиси. Там был один-единственный фельдшер, но все обошлось. Родился я в августе, 31-го числа, и три ме-

сяца мама была там вместе со мной. Представьте: Грузия, осень, чистейший горный воздух, великолепная вода, молочные продукты, фрукты. Так что все для меня обернулось неплохо. Потом мы приехали в Москву, и всю свою сознательную жизнь я провел в этом родном для меня городе. Школа, институт, работа — все в Москве. Грузинский я знаю, понимаю, говорить могу, может быть, медленно и чуть-чуть по-деревенски, но вот читать, писать не умею. По поводу этого один мой родственник однажды замечательно пошутил, сказав: наши неграмотные грузины у вас профессорами работают.

Слышала, Ваша мама готовила сациви для самого Сталина. Это правда?

Мама готовила замечательно. Папа приходил обедать домой. А сациви у нее получалось лучше всего. Сейчас так уже никто готовить не умеет. Первые лица государства тоже любили ее сациви. Кстати, сын Сталина Василий мне в 1947 году

Г.М. Гречко на месте посадки 16 марта 1978 г. после 96-суточного полета на вопрос Л.Л. Стажадзе о самочувствии взял салфетку и стал заботливо вытирать ему лицо

На месте посадки после полета по советско-американской программе «ЭПАС» (экспериментальный полет «Аполлона» и «Союза») с В.Н. Кубасовым. 21 июля 1975 г.

➤ Я поддался всеобщему порыву и выбрал то место, где никто меня не ждал и не собирался опекать, — городскую поликлинику. И ни разу об этом не пожалел!

подарил велосипед. В том же году на ближней даче я у Иосифа Виссарионовича на коленях сидел.

Да Вы что! Не страшно было?

Нет. Я был ребенком, не понимал. Но сейчас могу сказать, что время было очень суровое. И не дай, Господи, его повторить. Знаете, я просто поражаюсь, с каким удовольствием люди писали друг на друга доносы. Зачастую никто их не вынуждал, не подталкивал. Худшее, что было, выплеснулось тогда наружу.

Знаю, ресторан «Арагви» пользовался бешеной популярностью, попасть туда было трудно. Как Вашему папе удалось этого добиться?

У папы было всего четыре класса образования, но у него имелась такая благодарная особенность — он очень любил слушать разного рода

беседы, особенно беседы ученых. Он поставил себе целью продвинуть меня в науку. Видимо, для этого он приглашал к нам домой разных выдающихся ученых. У нас бывал, например, великий хирург Александр Александрович Вишневский.

Зачем они приходили к человеку без образования, что их прельщало? Вкусная еда, приготовленная Вашей мамой?

Наверное, им нравилась атмосфера гостеприимства, которая у нас царила. Это грузинская традиция. Папа умел создавать компании — если приглашал двух-трех артистов, то обязательно звал ученых или врачей. Он говорил, что компании из коллег обычно бывают скучными.

У Вас бывали и люди искусства?

Да, известные артисты: Кторов, Яншин, Лепешинская, Раневская, дирижер Ю.Ф. Файер из Большого театра. Хорошо помню очень доброго и уважительного в общении художника Налбандяна. Папа их всех считал своими друзьями. Да так оно и было. А меня от всех этих умных разговоров тянуло во двор к ребятам, в подвал. У нас все подвалы были заселены, все мои друзья и одноклассники там жили. Поэтому детство мое прошло на даче у Микояна и в подвале у Витьки.

Вы собирались поступать в химико-технологический институт имени Д.И. Менделеева. Почему же туда не пошли?

Очень хотел. Грезил химией. Мало того, вместе с другом, с которым за одной партией сидел девять лет, мы пошли подавать документы. И нас бы приняли, мы отлично знали химию. И тут моя мама, фельдшер по образованию, говорит: идите лучше в медицинский. И его мама сказала то же самое. Ну мы и решили попробовать. Я предложил: раз они просят, я пойду в Первый медицинский, а ты во Второй. Где лучше будет, туда потом переведемся. Дурная такая детская штука. Так и сделали.

Вы потом перешли во Второй медицинский. Там оказалось лучше?

Это очень разные вузы. И там и там были свои плюсы. Когда я поступил в Первый медицинский, там как раз зарождался КВН. На два курса старше меня был Алик Аксельрод, который и создал КВН, там же учились Лившиц и Левенбук. Последний сейчас руководит театром «Шалом», а в те времена они с блеском дуэтом исполняли

ли «Радионяню» и другие песни. В Первом медицинском были Аркаша Штейнбок, всем известный как Аркадий Арканов, Фима Шульман, Миша Кандрор. Я был худой, с большим носом и тоже с удовольствием участвовал во всех капустниках. Когда стали составлять списки участников новогоднего концерта, Аркашка Штейнбок, царствие ему небесное, спросил меня: «Как твоя фамилия?» — Я отвечаю: «Стажадзе». А он головой покачал и говорит: «Старик, ты нас подвел». Да, хорошие были времена.

А почему я перешел во Второй медицинский — отдельная история. На втором курсе перед Новым годом меня поймал редактор стенной газеты и попросил выдать какую-нибудь новогоднюю шутку. Я подумал: нарисую Деда Мороза и Снегурочку. Дед Мороз спрашивает Снегурочку: «Ты куда идешь, на елку?» А Снегурочка отвечает: «Нет, дедушка, на палку». Не очень приличная, конечно, шутка, но всем понравилась. Напечатали — меня вызывают в райком комсомола.

Ничего себе!

Да, дело серьезное. Я позвонил папе. Он посмеялся, а потом позвонил какому-то очень известному адвокату, и тот посоветовал, как мне себя вести в райкоме. Оказывается, в то время, за неделю примерно до этого случая, в газете «Правда» была статья о том, как корреспондент обошел несколько рынков в Москве и выяснил, что продают там очень некачественные елки. В статье была такая фраза: «Они не столько елки, сколько палки». Когда я приехал в райком, где были готовы вытурить меня из комсомола, а это означало автоматическое отчисление из института, мне задали вопрос: «Что Вы имели в виду?» Я делаю огромные глаза и говорю: «Товарищи, в газете

„Правда“ такого-то числа такой-то корреспондент написал, что в Москве продают елки, которые больше похожи на палки. Вот именно это я и имел в виду». Хохот стоял, скажу я Вам, на весь райком комсомола. Ну а мне вклеили выговор по комсомольской линии. Естественно, весь институт об этом знал, все смеялись, подкалывали.

А потом вызвал меня ректор и говорит: «Ты не хочешь во Второй медицинский перейти, чтобы скандал замять?» — «Ой, — говорю, — у меня там друг учится, конечно, хочу!» Так вопрос и решился. Так я распрощался со своей командой кавээнщиков. Но поскольку я был уже заряжен идеями КВН, то и во Втором медицинском нашел несколько ребят, и мы создали свою команду под названием «Мечта». Тоже было весело, выступали, хулиганили немножко. Была, например, такая шутка. На сцене стоим вокруг стола, все в хирургических костюмах, в масках. Стол не видно. Вроде как идет операция, слышен звон хирургических инструментов, а мы поем: «Всегда быть в маске — судьба моя!» Это цитата из очень популярной в то время арии Мистера Икс. Слова мы, конечно, переделали. А в конце расходимся, и зрители видят, что это на самом деле стол с закусками.

Значит, вот так, с шутками и прибаутками, Вы окончили медицинский институт и стали участковым врачом.

Ой, это тоже интересная история. Дело в том, что на меня имелся запрос из института, которым руководил Вишневецкий. Они с папой были друзья — не разлей вода. И ко мне он тоже хорошо относился, считал умным, шустрым. Говорил: Лонгиноз, Левана только ко мне, сделаю из него отличного хирурга. А я ведь и хотел быть хирургом. Все складывалось наилучшим образом.

В работу центров медицины катастроф по всей России внедряются современные вертолеты и авиамедицинские отряды оказывают необходимую помощь пострадавшим при ликвидации медицинских последствий ЧС

Госпитализация пациента с вертолетной площадки в приемное отделение

И вот наступает день распределения. Это было 12 апреля 1961 года. Дата Вам ничего не говорит?

Ну еще бы. Первый космический полет с человеком на борту! Юрий Гагарин.

И вот представьте: я захожу, сидит комиссия, председатель, директор института Мария Гавриловна Сироткина, все смотрят на меня, и тут влетает человек и кричит: «Мы запустили человека в космос!» И все тут же про меня забывают и куда-то бегут. Ажиотаж был просто сумасшедший! Минут 20 до меня никому не было дела, мне тоже не было ни до кого. И вот, наконец, все опять садятся, у Марии Гавриловны глаза горят, у меня тоже. И она с большим воодушевлением говорит: «Сейчас наступили особые времена, люди вступили в новую эпоху и будут совсем по-другому осваивать окружающий нас мир. Это всех нас невероятно обязывает и побуждает совершать великие поступки. На Вас есть запрос. Итак, Ваше решение?» И я на одном дыхании говорю: «В городскую поликлинику!»

Но ведь собирались к Вишневскому?

Конечно! До этого момента думал, что пойду к нему. Но тут я поддался всеобщему порыву и выбрал то место, где никто меня не ждал и не собирался опекать. Решил сам! Отец меня, конечно, чуть не убил. Говорил: «Сейчас я позвоню, все переиграем!» Но я был тверд: «Нет, я уже пообещал и пойду работать в поликлинику».

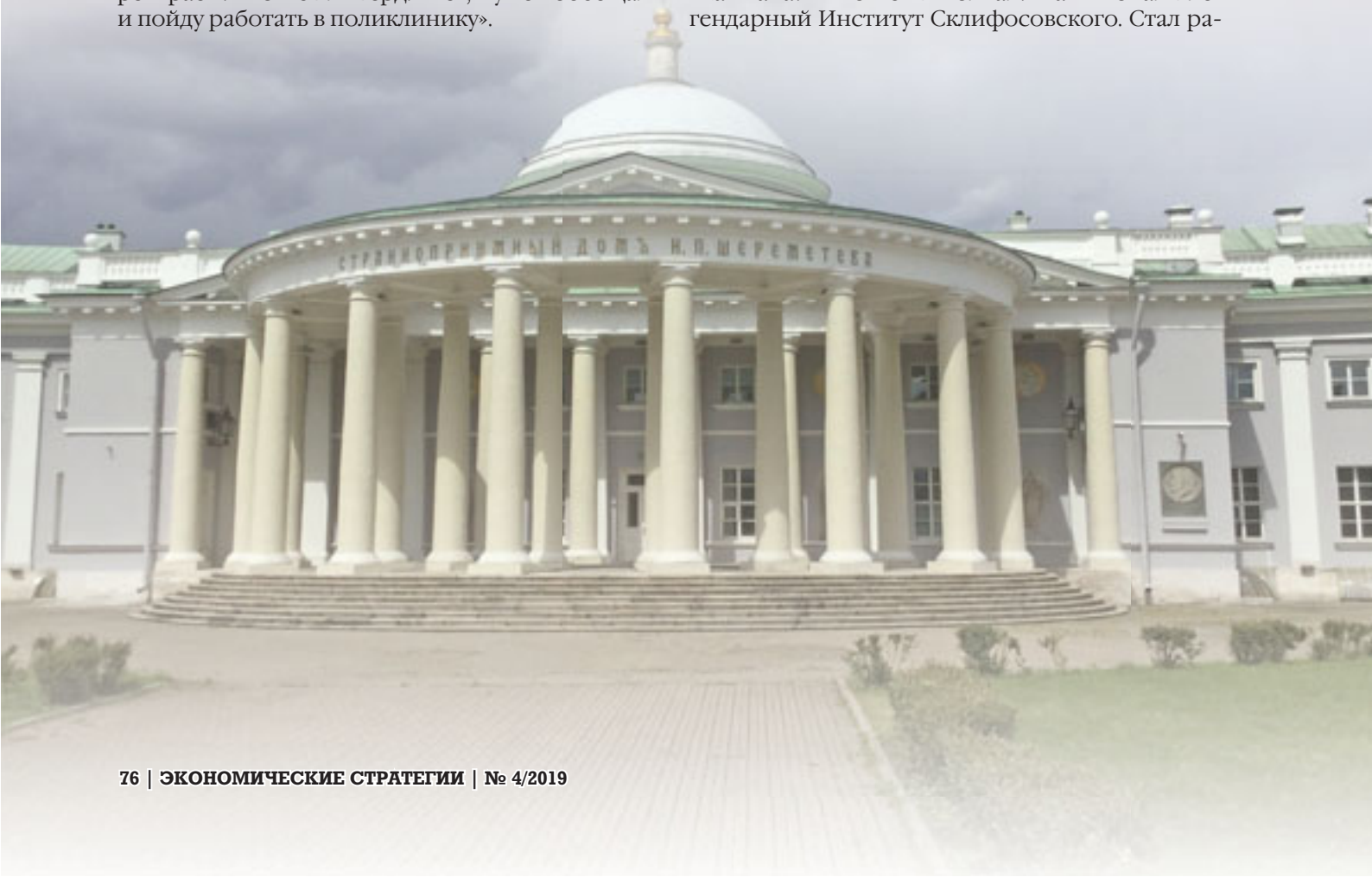
Пожалели?

Ни разу. Это колоссальная школа для начинающего врача.

А как Вы попали в Институт Склифосовского?

Еще одна интересная история! Когда я учился классе в девятом, один наш дальний родственник, Чахунашвили, работал в Институте Склифосовского. Потом он уехал в Тбилиси, стал профессором, академиком, серьезный хирург. А тогда он мне сказал: «Я сегодня буду ответственным дежурным хирургом по институту и тебе покажу операционную». Я с ним пошел, и все увиденное, конечно, запало мне в душу. Отработав три года в поликлинике, я решил перейти в Институт Склифосовского. Водитель, с которым я работал в неотложке, помогал Борису Александровичу Петрову чинить машину. Петров был академик, научный руководитель института, ученик Юдина. И я решил обратиться к нему.

Прихожу к Борису Александровичу, он спрашивает: «Ну что, кем ты хочешь быть?» Я говорю: «Борис Александрович, мне очень нравится хирургия. Но сейчас развивается новая специальность — анестезиология, мне бы хотелось поработать в этом направлении». — «Хорошо, — говорит, — давай. А как твоя фамилия?» Я отвечаю: «Стажадзе». — «А Лонгиноз тебе кто?» — «Папа». — «Как папа? А что же ты молчал?» Так я попал в легендарный Институт Склифосовского. Стал ра-

ботать анестезиологом. Это тоже было совсем новое дело. Через полтора года защитил кандидатскую. К тому времени я очень хорошо изучил электрокардиографию. В институте проходило очень много операций с использованием разных видов наркоза. Я со своим кардиографом везде бегал, снимал кардиограмму и обратил внимание, что у одних и тех же по нозологии больных, но в зависимости от наркоза и даже от способа его проведения на электрокардиограмме видны разные изменения. Изменениям кардиограммы при различных видах наркоза была посвящена моя первая диссертация. Потом, где-то через три года, появилась идея, что надо создавать отделение реанимации.

А раньше его не было?

Нет. В Институте Склифосовского был противошоковый кабинет, созданный по заветам Пирогова: затемненная комната, полная тишина, все должно быть изолировано, больной должен быть в тишине. А тут решили открыть отделение, отвечающее всем существовавшим в то время мировым стандартам. Долго думали, кто же будет заведовать этим отделением. Петров меня вызывает и говорит: «Слушай, у тебя же есть опыт работы в операционной». И назначили меня руководить реанимацией. Опять все с нуля. Но и этот период моей жизни оказался очень плодотворным и интересным.

А потом Вас «догнал» космос, который так неожиданно ворвался в Вашу жизнь 12 апреля 1961 года...

Да, было дело. В это время начинались длительные полеты. Аветик Игнатъевич Бурназян, который был тогда первым заместителем министра здравоохранения, курировал космическую медицину. Бурназян — великий человек, государственный деятель с очень интересной биографией.

Тогда главным анестезиологом был ныне здравствующий академик Армен Артаваздович Бунятян, прекрасный анестезиолог и человек. Ему поручили составить списки молодых анестезиологов, которые смогут работать в полевых условиях. Нас было 18 человек из Института Петровского, из Института Вишневского, из нашего Склифа, еще откуда-то. Я уже заведовал реанимацией, хорошо знал анестезиологию. Узнав, что у меня есть опыт терапии практически при всех жизнеопасных состояниях, Бунятян заинтересовался. Многие ребята, хорошие, знающие врачи, были узкими специалистами — пульмонология или, например, желудок. А Бунятяну нужны были более широкие специалисты. Поскольку Институт Склифосовского не так хорошо оснащен, у работающих там врачей есть клиническое мышление.

Вы еще не знали, о чем речь?

Нет, не знал. Он говорит: «Знаю, у тебя есть допуск». А у меня действительно был допуск, пото-

➤ **Создание системы медицины катастроф уже витало не только в воздухе, но и в умах специалистов.**

му что Склиф работал по атомной программе. И тут он мне рассказывает, что речь идет о длительных космических полетах. Вот с этого момента, говорит, то, что мы с тобой обсуждаем, должно оставаться между нами. Ни жене, ни маме, ни друзьям, никому ни слова. Договорились? Я отвечаю: «Договорились». — «Значит, — продолжает, — будут длительные полеты, мы тебя включим в состав бригады неотложной хирургической помощи ПСС ВВС — у них нет анестезиологов, реаниматологов. Ты нужен. Перед этим надо будет съездить в Звездный городок, специалисты расскажут про скафандры, про то, как надо работать со спускаемыми аппаратами».

Думаю, ё-моё, вот попал. Говорю осторожно: «Аветик Игнатъевич, ведь в институте у меня очень много дел». А он мне: «Надо напрячься. Вообще подумай, может быть, ты совсем перей-

дешь в Институт медико-биологических проблем». Я говорю: «Нет, Склиф я не хочу бросать, об этом не может быть и речи. А можно мне отказать?» Он засмеялся: «У меня в кабинете отказать? Да ты что!»

Вот так. Даже не обсуждая?

Он меня спрашивает: «Ты коммунист?» — «Нет», — говорю. — «А почему не вступил? Имеешь что-то против партии?» — Я говорю: «Против партии ничего не имею». — «Комсомольцем был?» — «Был, правда, выговор есть». — «А за что?» Когда рассказал, он чуть под стол не упал. Особенно позабавило его то, как адвокат научил меня отвечать. «Молодец, — говорит, — он тебя здорово выручил. Видишь, газета „Правда“ тебе помогла, а это коммунистическая газета, так что не задавай лишних вопросов».

Вот так я и попал туда. Первый полет встречал, когда летали Шаталов, Елисеев, Рукавишников. У них не получилась стыковка со станцией. Спустились. Чистое поле, в вертолете особо ничего нет. Взяли с собой какие-то инструменты, но ими мало что сделаешь. Я тогда пришел к Бурназяну и говорю: «Аветик Игнатьевич, это опасно, нужен наркозный аппарат, операционный стол». Он отмахнулся: «Ты сейчас такого наговоришь!» Я настаиваю. Говорю, что видел, как летит этот самый шарик, спускаемый аппарат, и понял, какая это «мягкая посадка». «Ты зря говоришь, — отвечает, — там все предусмотрено». Я опять не соглашаюсь: «Нет, ребята всего сутки были на орбите, но еле на ногах стояли». Короче говоря, я его убедил, и он все сделал: поставили специальный операционный стол, наркозный аппарат в вертолет Ми-8, купили французский портативный дефибриллятор — это тогда был большой дефицит. Фактически мы получили через Минздрав все, что было в составленном мной списке. Второй длительный полет — Волков, Добровольский, Пацаев.

Боже мой! Их тоже Вы встречали?

Да. На место посадки прибыло несколько вертолетов с уважаемыми людьми, с оркестром и пионерами и, естественно, руководство, генералы. Открываем, а там трупы. У меня вырвалась фраза: «Без признаков жизни». Она и пошла в эфир и в народ.

Тут же все улетели. Тут же. Сразу начал работать комитет. За 10 минут расчистили нам поле. Долго их вытаскивали. Это было трудно. Аппарат на боку, они лежат лицом вперед, зафиксированы лямками, подлезть почти невозможно... Провели всю сердечно-легочную реанимацию. Первое, что я сделал, вколол в сердце иглу — у меня вылетел поршень. Черная кровь, вспененная. Я сразу понял, что это взрывная декомпрессия. Вскрыл вену, а оттуда тоже черная, вспененная жидкость. Тем не менее искусственную вентиляцию и непрямой массаж сердца мы сделали, необходимые мероприятия провели, все записали.

Затем нас всех погрузили в Ан-12. Это очень большой транспортный самолет, в котором в том числе поместился спускаемый аппарат, а мы разместились в гермокабине, по площади это половина моего кабинета. Три трупа и нас 12 человек. Шесть часов летели в Москву. Прямо

Л.Л. Стажадзе с одним из сотрудников Центра экстренной медицинской помощи фельдшером Ю.К. Шабановым

➤➤ **Армению, как и Кавказ в целом, надо немножко знать: там, если человек тяжело заболел, близкие родственники от него не отходят. Иначе быть не может.**

как есть, перемазанные, перепачканные. Сажают нас в машину на аэродроме Чкаловский и прямым ходом в военный госпиталь Бурденко. Там нас встречает Бунятян. Приезжают члены комиссии — Бурназян вместе с Петровским и Керимовым, председатель ВПК Смирнов.

Бунятян спрашивает: «Что случилось?» «Взрывная декомпрессия», — говорю. Он спрашивает: «Ты все сделал?» Я его заверил: «Абсолютно все». Комитетские ребята все сфотографировали и сняли на киноленту. Два часа все, кто был на месте посадки, сидели в отдельной комнате. Два часа работала целая когорта патологоанатомов. Потом было проведено вскрытие, диагноз — взрывная декомпрессия.

И тут нас начинают обихаживать: «Ребята, вы, наверное, голодные, сейчас дадим вам покушать. Ребята, здесь вы можете помыться. Сейчас подадим машины — и по домам». Я говорю своему приятелю: «Представляешь, что было бы, если бы мы разошлись с диагнозом».

И с тех пор космонавты стали приземляться только в скафандрах.

Да, до этого случая все были уверены в спускаемых аппаратах — летали без скафандров, хотя это неправильно, конечно. Если бы на космонавтах тогда были скафандры, они бы остались живы. Конечно, травмы получили бы, но это было бы что-то типа контузии.

После этого случая меня опять вызвали к Аветику Игнатъевичу. Он настоятельно рекомендовал мне перейти в ИМБП. Надо сказать, ИМБП в то время был чем-то особенным. Такого количества умных людей я никогда раньше не видел, и каждый в своей сфере был гигант. Институт медико-биологических проблем был создан по инициативе Сергея Павловича Королева, в разные годы его возглавляли великие ученые: академики Парин, Лебединский, Газенко, Григорьев. ИМБП был нацелен на эксперименты, ориентированные на космические полеты. На первом заседании ученого совета я сидел, вжав голову в плечи — чувствовал себя мальчишкой

по сравнению с остальными. Меня посадили в отдел отбора и подготовки космонавтов. Там я познакомился со многими летавшими и еще не летавшими космонавтами, с Юрой Сенкевичем подружился. Два раза в год мы вместе летали на подготовку в среднегорье — Иссык-Куль, Бакуриани, Цахкадзор, Медео. В условиях среднегорья очень хорошо вырабатывается работоспособность, мы прекрасно готовили кандидатов к полету. Потом была послеполетная реабилитация. Отрабатывали повышение иммунитета — все с лабораторными исследованиями, все доказательно. Это была очень интересная работа.

Кстати, перед длительными полетами заседала особая государственная комиссия с участием готовившихся к полету экипажей. Про готовность медицины докладывал А.И. Бурназян. Очередной доклад он завершил сообщением об усилении ПСС ВВС, и эти его слова стали крылатыми: «Дорогие космонавты, все предусмотрено, летайте спокойно, на Земле вас встретят лучшие реаниматологи Советского Союза!» Реакция, сами понимаете, была неоднозначной. Иногда в непринужденной обстановке я напоминал своим коллегам по цеху, что был официально объявлен лучшим реаниматологом страны.

Знаю, что у Вас немало патентов на изобретения.

В ИМБП проводились эксперименты. Сотрудников-испытателей на разные сроки клали на

На месте посадки 26 июля 1975 г. после полета П.И. Климук и В.И. Севастьянова, длившегося 62 дня, 23 часа и 20 минут. Благодаря системе профилактики воздействия факторов невесомости на организм оба космонавта в полном порядке

кровати с головным концом, опущенным под углом минус 4–8 градусов. Так имитируется влияние некоторых факторов невесомости на организм человека, в том числе и перераспределение жидких сред. Однажды на ученом совете я обратился с просьбой, чтобы нам разрешили попробовать разные виды наркоза, в том числе внутривенного. Это важно, чтобы понять, что делать, если что-то произойдет при посадке. Необходимо знать, как влияют на организм анестетики, релаксанты, режимы искусственной вентиляции. В итоге мы обнаружили очень много важного для практического применения в космической медицине. Я опубликовал результаты этих работ, и вдруг пришло письмо из Французской академии наук. Пальцем для этого не пошевелил, они сами узнали. Там, во Франции, базируется Международная академия астронавтики.

➤ Мы придумали специальный операционный стол. В космосе все это будет необходимо, особенно когда человек будет летать далеко и надолго, на Марс полетит. Это неизбежно.

Членом которой Вы сейчас являетесь?

Да. Сначала избрали членом-корреспондентом, а потом, когда мы ездили на одну из сессий в австрийский Грац с докладами по поводу проведения анестезии и возможности осуществления хирургических операций в космосе (у меня уже было пять или шесть патентов на изобретения), избрали действительным членом. Вот смотрите, шприц. Мы набираем лекарство, переворачиваем шприц, нажимаем на поршень, воздух выходит, и мы делаем укол. В космосе, как ни старайся, воздух с жидкостью разделяться не будет, а воздух вводить в вену опасно.

Что делать? Я как-то вернулся с центрифуги. У меня было вращение голова — таз. Довольно тяжелая процедура. И вдруг мне пришло в голову, что надо для шприца сделать микроцентрифугу: поставить шприц иглой к центру, тогда при вращении образуется искусственная гравитация, и воздух с жидкостью разделится. Действительно, сработало. При институте тогда имелась очень хорошая производственная база, были отличные инженеры, «головастики», быстро соображали. Сделали

и запатентовали это. Потом придумали специальный операционный стол. В космосе все это будет необходимо, особенно когда человек будет летать далеко и надолго, на Марс полетит. Это неизбежно.

Вы говорили, что наработанное еще в поликлинике клиническое мышление Вам не раз пригодилось. В космической медицине тоже?

Конечно! После завершения полета по программе «Союз — Аполлон» в какой-то момент у космонавта произошел отток крови, так называемая реадаптация после полета. А американцы уже идут со своими вопросами, интервью брать. Я его сзади беру, нажимаю на область диафрагмы и говорю: «Глубокий вдох». Он делает глубокий вдох — и у него происходит приток крови к голове. Сейчас так никто уже не делает, а этот прием описан у старых врачей, модифицированная проба Вальсальвы. Все просто: чем больше приток крови к сердцу, тем оно интенсивнее работает. Чем меньше приток, тем оно становится слабее. И у него это сработало. Он на глазах порозовел, нормально себя почувствовал. А так нам пришлось бы его класть, снимать скафандр, в вену вводить препараты.

Какие еще бывали случаи, связанные с подготовкой космонавтов?

Случаев было очень много. Один из космонавтов во время подготовки к полету на тренировке был поражен электрическим током. В судорожном состоянии его отвезли в Центральный на-

На месте посадки 23 сентября 1976 г. В.Ф. Быковского и В.В. Аксенова. Впервые после покидания спускаемого аппарата космонавты помещены в специальные кресла, которые в случае необходимости трансформировались в носилки. Справа — летчик-космонавт, генерал-майор А.А. Леонов

учно-исследовательский авиационный госпиталь (ЦНИАГ). Вызвали меня — в Склифе я много занимался судорогами. Приехал, провел специальную схему — тотальная релаксация с искусственной вентиляцией легких и инфузионной терапией. Больной быстро восстановился и впоследствии выполнил космический полет без замечаний.

У одного космонавта во время полета вдруг началась аритмия. Встал вопрос: прекращать или не прекращать полет. Я вспомнил, что есть очень хороший старый способ, помогающий при аритмии: большими пальцами сильно, но мягко надо нажать на глазные яблоки.

Это какая-то китайская медицина.

Нет, это не китайская медицина. В наших старых книгах все написано. Космонавт так и сделал. Сердечный ритм нормализовался.

Еще случай. В полете у космонавта никак не проходила головная боль на уровне дискомфорта. На борту имелся посланный на испытание дыхательный аппарат «Фаза-2». Я посоветовал ему надеть маску, включить прибор и установить режим «подпорка», не обращая внимания на то, что его немножко будет раздувать. Из-за повышенного давления, которое передавалось через маску, произошел отток крови от головы и наладилось венозное кровообращение. Он меня еще тогда спросил, сколько раз можно так делать. Я сказал, хоть каждые пять минут. И все, сработало.

Первый заместитель министра здравоохранения СССР А.И. Бурназян, директор Института медико-биологических проблем Минздрава СССР, академик РАН, генерал-лейтенант медицинской службы О.Г. Газенко, начальник Управления по космической медицине 3-го Главного Управления Минздрава СССР Н.Н. Гуровский — люди, сделавшие очень много для становления и развития пилотируемой космонавтики

➤ Если станешь первым лицом, тебя замучают хозяйством, а наука требует полной самоотдачи.

А в земных условиях с головной болью так можно бороться?

Честно говоря, не пробовал. Понимаете, там это происходит от перераспределения жидких сред организма, в том числе крови. Иначе говоря, причина не та, что на Земле. Но вполне может быть, что этот прием сработает, например, при венозном полнокровии.

Леван Лонгинозович, Научно-практический центр экстренной медицинской помощи Департамента здравоохранения Москвы, в котором мы сейчас находимся, ведь тоже Вы организовывали?

Да, совместно с Людмилой Григорьевной Костомаровой. В какой-то момент в Институте Склифосовского произошла смена руководства. А я уже заведовал отделом в ИМБП. И тут мне звонит приятель, с которым мы много лет вместе проработали в Склифе (он в этот период стал его директором), и предлагает вернуться в Склиф в качестве заместителя директора по науке с уклоном на скорую медицинскую помощь. Создание системы медицины катастроф уже витало не только в воздухе, но и в умах специалистов. Еще в СССР было выпущено постановление ЦК и Совмина о создании нового направления — медицины катастроф. Мы загорелись новой идеей — создать в Москве первый территориальный центр медицины катастроф. Написали концепцию, составили штатное расписание, определили основные цели и задачи. Когда мы первый раз пришли с этой идеей в Комитет здравоохранения, нас спросили: «Вы с ума сошли? Вы где живете? У нас рушатся институты, а вы хотите что-то создать?» Это было в лихие 1990-е.

Да, это было смело.

Более чем. Тогда Институт медико-биологических проблем чуть не исчез. Из 4500 умных людей там осталось полторы тысячи. В те годы науку чуть не загубили. Мало что от нее осталось. Но мы все равно решили попробовать. Нас поддержали некоторые депутаты, председатель Моссовета Сергей Станкевич. В это время Ю.М. Лужкова избрали мэром. Мы через знакомых пробились к нему. Принесли ему концепцию. Он посмотрел, позвонил руководителю Комитета здравоохранения Ануфриеву и сказал, что ребят

Какой вы дипломат!

Так вот, я обратился к Андрею Ивановичу Воробьеву, в то время возглавлявшему Институт гематологии, поскольку у этих больных был тяжелый краш-синдром, возникающий из-за длительного сдавливания. Их ведь извлекали из-под обломков. Очень тяжелая штука. Она кончается почечной недостаточностью, удалением конечностей. Нужны были детоксикационные аппараты и жидкости к ним для проведения гемодиализа. Ультрафильтрация. Я попросил разрешения поехать по посольствам, поклониться этим аппаратам. Воробьев разрешил. Я кинулся в посольство ФРГ, они нам сразу привезли пять аппаратов «Фризениус». Кинулся в посольство к шведам — они тут же предоставили необходимую аппаратуру «Гамбро». Потом я узнал, что в Четвертом управлении есть склад. А Евгений Иванович Чазов, который тогда был министром, тоже находился в Армении. И я уговорил его зама, чтобы нам дали еще пять аппаратов. Андрей Иванович приехал, и мы вместе вытаскивали больных с того света. Спасли их конечности...

надо поддержать. Мы сказали, что нам нужна научная группа, и Лужков направил нас к Андрею Ивановичу Воробьеву, который тогда был министром здравоохранения.

Андрея Ивановича я знал. Когда я работал заместителем директора в Склифе, директор наш уехал в Спитак, где произошло землетрясение, а я остался за него. К нам привезли 72 тяжелейших больных из Армении. С родственниками. Я тогда сообразил: или эти родственники меня разорвут, или я их сделаю своими помощниками. Я создал совет родственников, был избран председателем совета с правом выступления на наших пятиминутках. И они начали помогать.

Как они помогали?

Отнести, принести, помочь переложить... Все. Никто не жаловался. В то же время знаю другую больницу, где было всего семь пострадавших с родственниками, и у них происходил скандал за скандалом, потому что их пытались выгнать. Армению, как и Кавказ в целом, надо немножко знать: там, если человек тяжело заболел, близкие родственники от него не отходят. Иначе быть не может.

Иначе говоря, медицина катастроф была Вам уже хорошо знакома?

Конечно. Более того, армяне оказались, как всегда, людьми благодарными, они нас потом возили в Америку на конгресс: в США было нечто подобное в Сан-Франциско. Сошел сель, были завалы, множество пострадавших.

Значит, спустя годы Ваши давний знакомый академик Воробьев понадобился Вам, чтобы дать разрешение на открытие центра катастроф?

Да. А в приемной как раз дежурила Наталья — та секретарша, с которой я еще раньше подружился, когда был Бурназян. Я ей звоню: «Наташа, мне надо к Андрею Ивановичу». — «Приезжай к 7 утра». Я с бумагами приехал в 7 утра, она меня через задний двор провела: стой, говорит, здесь, скоро он приедет.

И точно, вижу, идет Андрей Иванович, смотрит на меня и спрашивает: «А ты здесь откуда?» Я ему: «Андрей Иванович, вот здесь на стене подпись поставьте, я Вам потом все расскажу». — «Ты что, обалдел, что ли? Пойдем ко мне в кабинет». Я объясняю, что у него в приемной уже 40 человек сидит, до меня дело не дойдет. Ладно, говорит, и поставил подпись на стене.

➤➤ Все общественные мероприятия требуют нашего присутствия, хотя специфика везде разная.

Так появился этот центр?

Да. На втором этаже этого здания нам выделили две комнатки. Мне предлагали должность директора, но я сказал, что хочу заниматься наукой. Знаю, что, если станешь первым лицом, тебя замучают хозяйством: неработающие краны, кто-то прогулял, кто-то недогулял, кому-то надо в эту смену, кому-то в ту, на совещание надо в департамент, туда-сюда. А наука требует полной самоотдачи. Я предложил на должность директора Людмилу Григорьевну Костомарову, и она внесла огромный вклад в развитие и становление не только нашего центра, но и территориальных центров вообще.

Какие главные задачи решал этот центр?

Организация оказания помощи при ликвидации медицинских последствий чрезвычайных ситуаций, организация медицинского сопровождения событий риска, а таких событий очень много. Это, например, все, что связано с боль-

шим скоплением людей — праздники, митинги, футбольные матчи, где фанатам зачастую хочется подраться.

Там надо дежурить?

А как же. И не только дежурить, но и все организовывать. Все общественные мероприятия требуют нашего присутствия, хотя специфика везде разная. Если это, скажем, новогодний бал в Гостином дворе, то там едва ли будут драки, но у людей бывают обмороки. Мы знаем, какое примерно количество народу будет. Значит, надо зарезервировать койки в больницах, вызвать определенное количество машин. Ставим там свою бригаду. На Поклонной горе — своя специфика. Принимаем около 200 человек, и 60 человек развозим по больницам, когда возникают острые или обостряются хронические заболевания.

А парад в День Победы?

Это тоже «наше» событие. Ветеранам, пожилым людям наша помощь очень нужна. Хотя, конечно, ничто не сравнится с прошедшим чемпионатом мира по футболу. Там вообще было четыре уровня оказания медицинской помощи. Мы к нему больше года готовились, наверное, тщательнее, чем футболисты.

Чем Вы занимаетесь сейчас в качестве главного научного сотрудника?

В основном делюсь жизненным опытом с молодежью. Провожу занятия, пишу инструкции, книги, читаю лекции. У нас есть журнал «Медицина катастроф» (главный редактор академик С.Ф. Гончаров), с момента его создания я вхожу в состав редакционной коллегии. Надеюсь быть полезным еще какое-то время, желательно подольше.

А в ресторан «Арагви» ходите?

Никогда там завсегдаем не был. Папа не очень это дело поощрял, считал неприличным по ресторанам шляться. Год назад «Арагви» открылся после реконструкции, меня пригласили. Вкусно, конечно, но такого сациви, как мама готовила, там все равно нет.

Кто же Вас сейчас кормит настоящей грузинской едой?

Крайне редко «правильное» сациви делает мой сын Вася. А вообще я уже всеядный. Мне все равно. Чем-нибудь перекусишь, и слава Богу. ■

ПЭС 18181 / 12.11.2018

